

Алексей Тепляков

Красные партизаны против белых казаков на востоке России: победа террором

В судорогах краснопартизанского террора 1918–1922 гг., унёсшего в Сибири многие тысячи жизней, помимо политической вражды, очень большую роль играли имущественные и сословные противоречия. Среди партизан было много недавних переселенцев, которые не успели обзавестись традиционным для Сибири крупным хозяйством и жаждали силового передела собственности. Видный эсер Е.Е. Колосов писал о переселенцах, что «они привыкали ко всякого рода ссудам, которые развращали их и рабочее население перерождали в нищих, попрошайек-профессионалов. В итоге получалась своего рода «бродячая Русь», хищнически обращающаяся с землёй, лесом, природными богатствами. Этот бесхозяйный элемент, «бесхозяйная Русь» в сибирской переработке, конечно, должна была отнестись очень сочувственно к таким политическим лозунгам, как, например, захват земли...»^[1] Особенно замечался антагонизм переселенцев и наиболее привилегированной, зажиточной и лояльной прежним властям части крестьянства — казачества. Неизбежные для воюющих сторон реквизиции у населения постоянно оборачивались грабежами и насилиями, вплоть до случаев массовой резни. В случае с казачеством известны факты поголовного истребления партизанами взятого в заложники мужского населения крупных станиц.

Война с казаками началась сразу после Октября. Например, на территории Семиреченской области с конца 1917 г. шла почти непрерывная борьба красногвардейских отрядов с формированиями Семиреченского казачьего войска. Против казачества шла война на уничтожение. Когда в апреле 1918 г. казаки во главе с сотником Бортниковым совершили налёт на г. Верный, освободив войскового атамана, в ответ, по решению областного совнаркома, был проведён террор против интеллигенции и «богатого класса»: в Верненской тюрьме перебили до 40 человек.

К концу мая 1918 г. советские войска разгромили казачьи станицы, примыкающие к Верному. В станицах красные убивали всех офицеров, священников, интеллигентов, многих рядовых казаков. Есть сведения, что пленных для устрашения населения рубили прямо на станичных площадях^[2]. В Больше-Алматинской станице каратели вывели всех сдавшихся мужчин на площадь и расстреляли. Разграбив хозяйства, красные сожгли станицы, выселки и хутора, оставив без крова шесть тысяч семей. Всё имущество казачьего войска переходило в распоряжение облисполкома — конфискации подлежали не только офицерские земли, но и «излишки» скота и хлеба рядовых казаков.

Для окончательного подавления «контрреволюции» в Северное Семиречье из Верного в начале июня был направлен красногвардейский

отряд И.Е. Мамонтова численностью в 1 200 сабель. Мамонтовцы показали себя ещё в областном центре: прямо в храме Верного они расстреляли епископа Семиреченского и Верненского Пимена. Двигаясь на север, каратели оставляли «реку крови от истребления казаков и их сочувственников». 19 июня они произвели массовые казни в станице Копальской, затем разгромили три крупных селения на тракте от Сергиополя к китайскому городу Чугучаку (Урджарская и старожильческие сёла Маканчи и Вахты), причём оставшиеся на месте жители были перебиты, а «киргизы [казахи — А.Т.], неуспевшие откочевать, вырезаны большевиками включительно до грудных младенцев». В богатом с. Маканчи (Ивановское) красные убили всех обнаруженных женщин и детей, забросав их телами колодцы, а само село сожгли[3].

Местное казачество и представители казахской Алаш-Орды 29 июня 1918 г. телеграфировали в штаб Степного Сибирского корпуса, Семиреченскому войсковому атаману и Алаш-Орду: «В Верненском уезде совершенно уничтожены станицы Малая, Большая, Каскелен, Тастак, некоторые киргизские, старожильческие селения. Большая часть населения без различия полов, возраста вырезана большевиками. Беженцы по дороге расстреливаются. По декрету облсовета казаки лишены звания, земли и общественных прав и киргизы ограничены в правах"[4].

В ответ разгромившие отряд И.Е. Мамонтова белые не брали пленных, а впоследствии так объясняли упорство красных, яростно защищавших г. Верный: «Среди казаков (наиболее богатая часть населения), считавших себя собственниками края, была пропаганда уничтожения всего не казачьего населения. Это известно всему краю. Поэтому теперь большевики на все призывы сложить оружие отвечают: «Отступить нам некуда, потому что мы не хотим бросать свои земли, сдаваться не можем, потому что нас перебьют безоружных""[5]. В июне 1919 г. комитет экономической политики колчаковского правительства составил проект помощи разорённым большевиками жителям северных земель Семиречья, отметив, что к весне 1919 г. убытки оседлого населения области составляют 185 млн руб., а одних казахов при уничтожении целых аулов было убито до 10 тыс. чел.[6]

Проявлениями террора отмечена и борьба красных с уральским казачеством. В конце марта 1918 г. на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска началось мощное повстанческое движение против большевиков. Так, 2 апреля в станице Изобильной был уничтожен карательный отряд председателя Оренбургского губисполкома С.М. Цвиллинга, а день спустя внезапным налётом казаки ненадолго захватили Оренбург. Большевики ответили террором и сожгли весной 1918 г. одиннадцать станиц[7].

Казачество с полным основанием воспринималось повстанцами как массовая и боеспособная опора режима, задействованная в полицейских функциях. Активное участие в Гражданской войне приняли не менее 10

тыс. сибирских казаков, а с учётом всех мобилизованных и самоохранных сотен на стороне белых в регионе служило более 20 тыс. казаков[8]. Те же казаки Бийской линии не преминули приступить к исполнению постановления Временного Сибирского правительства от 3 июля 1918 г. «Об определении судьбы бывших представителей Советской власти»; они же приняли деятельное участие в полном уничтожении большого (800 чел.) красногвардейского отряда П.Ф. Сухова, пытавшегося прорваться из захваченной чехословацкими и белыми войсками Западной Сибири в Туркестан и соединиться с красными частями[9].

Почти двухтысячный отряд Сухова беспощадно грабил зажиточных хозяев и расстреливал противников красных, вызывая озлобление населения. Из трофейных документов штаба отряда Сухова следует, что главными причинами военных неудач отряда были падение дисциплины, сопровождавшееся постоянным дезертирством[10], и нравственная деградация. Штаб пытался бороться с деморализацией — в архиве отрядного ревтрибунала нашлись до 30 приговоров за неподчинение, но успеха это не принесло. Суховцев белые наголову разгромили, а уцелевших выловили (и почти всех перестреляли) при содействии местных жителей в районе сёл Тележиха, Солонешное, Топольное, Чёрный Ануй[11]. Но до своего уничтожения в Горном Алтае у монгольской границы это русско-мадьярское войско отметилось жестокими расправами над пленными и священниками, а также многочисленными насилиями и грабежами. Так, 29 июня в с. Вилки перед зданием училища суховцами были убиты офицеры С.С. Калякин и Лебедев, гимназисты-добровольцы В.Г. Гаевский и Иваненко, а также ещё один доброволец: «Калякин застрелен, тело его истыкано штыками, а шашкой распорот желудок. Гаевский также застрелен, истыкан и шашкой отрублена голова"[12].

Газеты писали, что в захваченных сёлах суховцы грабили богатых крестьян и священников, насиловали и убивали: «В Вознесенском [оно же с. Лубягино Славгородского уезда]... пять человек пленных из войск Временного Сибирского правительства были приговорены к смертной казни. Начальник банды Сухов в присутствии многочисленной толпы крестьян выстрелами из револьвера убил приговорённых к смерти"[13]. Есть и другие подтверждения, что командир отряда, именовавший себя «главковерхом», лично расстреливал пленных офицеров: «[Сухов им] стрелял в лицо под хохот красноармейцев. Недобитых закапывали в землю живыми. Их, однако, удалось спасти: из шести расстрелянных мёртвыми оказалось только двое"[14].

В ответ на конфискации, взятие заложников и прочие насилия местные казаки при первой же возможности уничтожали суховцев. В 1922 г. чекисты расследовали донос коммуниста из крупного с. Солонешное М. Прудникова, обвинявшего односельчанина П. Бессонова в том, что последний летом 1918 г. участвовал в карательной экспедиции белых, во время которой в Солонешном были расстреляны 19 чел.

из отряда Сухова. Но Бессонов сумел доказать, что суховцев расстреляли сами жители села ещё до прихода белых[15].

Казачье сословие, показав немало примеров отчаянной борьбы с красными, всё же не смогло проявить всех своих боевых качеств в борьбе со смертельным врагом. Раскол среди казачества, умело направлявшийся большевистской пропагандой, выливался в формы самоистребления этого оказавшегося отнюдь не монолитным сословия. Примеров уничтожения казаков руками самих казаков более чем достаточно. Когда 2 августа 1919 г. началось масштабное Зиминское восстание на Алтае, лояльные белым казачьи станицы и посёлки Бийской линии (более 13 тыс. жителей) подверглись яростному нападению партизан. Линия являлась составной частью Сибирского казачьего войска в пределах Бийского и Змеиногорского уездов. В её состав входили 7 станиц: Чарышская (центр линии), Антоньевская, Верх-Алейская, Маральевская, Николаевская, Слюденская, Терская; и 12 посёлков: Андреевский, Белорецкий, Бобровский, Верх-Убинский, Ключевский, Платовский, Секисовский, Смоленский, Сосновский, Тигирецкий, Тулатинский и Яровской. Под натиском партизан казаки отступили в станицу Чарышская и были окружены отрядами общей численностью до 5 000 чел. После переговоров с красными партизанами значительная часть казаков, успокоенная обещаниями партизан не мстить, решила сдаться, а остальные с боем прорвались из станицы. Вошедшим в Чарышскую станицу 17 августа партизанам было передано четыре воза оружия, после чего они зверски расправились с командовавшим казаками есаулом В.И. Шестаковым и отступили, взяв в заложники основную часть взрослого мужского населения. Будущий командир 1-й Горно-Алтайской партизанской дивизии И.Я. Третьяк вспоминал, что казаки не давали пощады пленным партизанам, а при скором отступлении через Чарышскую красным приходилось защищаться от казачьих семей: «Увидев отступающих повстанцев, они бросали в них из окон и из-за углов своих домов камни, кирпичи и всё, что попадало им под руки"[16] (с мстостью за пленение мужчин Третьяк это не соединял). В заложниках оказались многие казаки и соседних станиц.

Отряд партизана Матвея Назарова должен был конвоировать сдавшихся казаков в штаб восстания. Но в начале сентября 1919 г. почти все заложники оказались зверски убиты. Численность погибших до сих пор невыяснена; достоверно известно об уничтожении практически всех чарышских, слуденских, маральевских и сосновских заложников — вероятно, более 500 чел. В мемуарах партизанского командира Н.Т. Бурыкина упоминается взятие в заложники до 500 казаков, «способных носить оружие"[17]. Известные нам цифры отличаются разнобоем, но в целом позволяют уверенно говорить именно о таком порядке жертв. «Алтайские губернские ведомости» 9 октября 1919 г. сообщали: «Из 338 казаков [станицы] Чарышской, Сосновки, Маральих Рожек 110 зарублены в Сибирячихе. Вторая партия, 228 человек, посажена в артельную лавку, где к утру 50 человек задохнулись..."[18]

О трагедии жертв банд Назарова и Пичугина (выходцев из казачьего сословия[19]) член партизанского штаба в Сибирячихе Н.Т. Бурыкин вспоминал так: «За день до прихода белых в Штаб [3 сентября] явился взволнованный Назаров, командир небольшого отряда. Его белый брезентовый плащ был обрызган кровью. Он дрожал от нервного напряжения, пот лил градом: «Товарищи, я конвоировал пленных, их было около 500 (это были казаки, сдавшиеся партизанам в станице Чарышской с есаулом Шестаковым). Их нужно было доставить в штаб степной партизанской армии, а где теперь найдёшь этот Штаб? В степных сёлах восстание подавлено, кругом белые. От Чарыша до Сибирячихи я зарубил более 300. Они угрожали нам смертью. Я сам казак и знаю их, как непримиримых врагов... И вот [сегодня] рано на заре я увёл 116 казаков на гору и в Малиновом логу зарубил 112, а 4 привёл сюда, они сослались на ваших мужиков, знающих их с положительной стороны. Ну, а теперь прошу трупы убитых закопать в землю...» Никакого наказания за свои действия Назаров и его подручные не понесли[20].

Однако нами обнаружены факты, которые отрицают самоуправство Назарова, в то же время не опровергая приведённой им численности убитых. Как вспоминал весной 1937 г. бывший начальник команды связи 2-го полка 1-й Горно-Алтайской партизанской дивизии С.М. Беззубцев, в станице Чарышской было взято и уничтожено около 400 заложников. По его сведениям, в августе 1919 г. партизанами А.В. Новосёлова и И.Л. Никифорова была занята станица Чарышская, а на заимке атамана Шестакова захвачен сторож пасеки И.Я. Третьяк: «Третьяка в то время никто из партизан не знал и, подозревая его в пособничестве белогвардейцам, Третьяка арестовали и отправили в с. Чарыш[ское]. Необходимо указать, что партизанами ранее в с. Чарыш[ском] было арестовано около 300 человек казаков, но в связи с тем, что казаки других сёл, а также... Чарыш[ского], оставшиеся не арестованными, продолжали вести активную борьбу с партизанами, в с. Чарыш[ском], во время ареста Третьяка, одновременно партизанами было дополнительно арестовано 93 человека из казаков. Всех арестованных казаков, а вместе с ними и Третьяка, партизаны увели в село Бащелак в штаб. В Бащелаке состоялось секретное совещание членов штаба, в котором приняли участие: Новоселов, Латкин, Никифоров и др., фамилий которых не помню. На этом совещании было решено всех казаков расстрелять, как врагов Советской власти, так это и было сделано, всех их увели под Сибирячиху и там расстреляли.

Вместе с казаками, партизаны были намерены расстрелять и Третьяка, но он перед заседанием штаба предъявил эмигрантские документы, заявив, что он душой за Советскую власть... революционер, бежал от царского правительства в Америку и теперь вернулся в Россию, чтоб продолжать борьбу с белогвардейцами... Тогда же, или на другой день после этого, Третьяка как «американца» выбрали комиссаром партизанского отряда... Мне всё это доподлинно известно из тех сводок, которые я получал от отряда, как один из руководителей партизан.

Кроме того, мне это всё известно и со слов партизан и их командиров, в частности, от Новоселова, Латкина, Ягушкина и др. партизан"[21]. Вполне очевидно, что о якобы самоуправстве Назарова партизаны позднее упоминали специально, чтобы скрыть свою коллективную вину за кровавое решение.

Казачи жестоко отомстили тем, кто, по их мнению, имел связи с повстанцами, казнившими заложников. Несколько сёл было начисто разграблено, одна деревушка сожжена, часть мужиков перебита[22]. Как вспоминал в 1927 г. боец дивизии Третьяка Я.А. Пасынков об этих событиях, партизаны в ответ на месть казачества «вернулись и снова заняли станицу [Чарышскую] и захватили казаков в количестве 180 чел., которым в наказание устроили мясорубку (т.к. патронов для расстрелов жалели)"[23].

Другие источники подтверждают сведения как о насилиях и массовом грабеже, так о сожжении станиц и резне населения. В протоколе комиссии по оценке ущерба от гражданской войны в станице Чарышской говорилось: «...У всех жителей имущество частью разграблено, частью сломано, скот наполовину угнан в соседние сёла, хлеб, сено, сельхозмашины почти полностью вывезены туда же... Стоявший в Чарышской, Тулате, Яровском партизанский полк стравил остатки хлеба и сена, устраивал самочинные аресты, порки, насиловал женщин и девушек..."[24]

Убытки одной Чарышской составили миллион рублей. Казачи линии получили 500 тыс. руб. в виде помощи от войскового атамана П.П. Иванова-Ринова. На совещании представителей бийских учреждений 16 сентября 1919 г. был рассмотрен вопрос об оказании помощи жителям станиц Чарышская, Маральевская, Слюденская и пос. Сосновский «по уборке хлебов, вследствие того, что в означенных станицах всё мужское население от 17 до 50 лет в августе месяце с.г. вырезано разбойными бандами красных». Власти даже намеревались мобилизовать для помощи в сборе урожая военнопленных, а также жителей «партизанских» селений[25]. Таким образом, данное сообщение указывает на практически полное уничтожение взрослых казаков в четырёх крупных населённых пунктах.

Но антиказацкий террор не ограничился казнями августа и сентября 1919 г. Победа партизан означала жестокую и продолжительную месть побеждённым. В середине ноября 1919 г. была занята 15-тысячная Усть-Чарышская Пристань. Когда 6 декабря 1919 г. партизаны 6-й горностепной дивизии Ф.И. Архипова перешли в наступление, то без боя заняли сёла Коробейниково, Озёрное и Ключи, а после непродолжительной перестрелки вошли в станицу Антоньевскую. Неподалёку от неё партизаны перехватили двигавшийся в направлении Бийска большой обоз, в котором, как им поначалу показалось, ехали женщины и старики. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что под одеялами и подушками скрываются не успевшие уйти казаки, в том числе подростки. Партизаны стали уничтожать всех,

устроив зверское состязание: на полном скаку конники прошивали пиками казачьи подводы, проверяя таким образом, прячется в них кто-нибудь или нет. Продвигаясь по Бийской линии, партизаны вошли в с. Петропавловское: «В ходе обысков в одном из домов были обнаружены несколько казаков. В завязавшейся перестрелке казаки убили одного и ранили двух партизан. Пришедшие в ярость партизаны окружили дом и сожгли оборонявшихся заживо»[26].

В декабре 1919 г. уже страшно опустошённая станица Чарышская снова пережила партизанский террор, казни, изнасилования и грабежи. Бывший партизан сокрушённо вспоминал: «В Чарышск со всех сторон входили партизаны □ Заработала следственная комиссия, допрашивали пленных и местных жителей. Начались расстрелы. <...> В короткий срок победители приоделись в новые или добротные валенки и полушубки, шапки, шинели и даже рубашки. Кому что нравилось, тот то себе и брал, возражать хозяева не смели □ Множились кожаные сумы, набитые разным добром, у большинства мешки, туго набитые барахлом. <...> За время пребывания в Чарышском партизанских частей были зарезаны и съедены не сотни — тысячи голов скота»[27].

Разгром станиц был полным, в них почти не осталось ни жителей, ни имущества. Уполномоченный по организации волостных и сельских ревкомов Байбурин, побывав в начале января в посёлках Бийской линии, зафиксировал: «Фактическими хозяевами на этой территории являлись партизанские отряды и их штабы и как высшая инстанция власти — штаб 6-й горно-степной дивизии. Во многих станицах почти всё имущество и весь скот реквизирован и конфискован. Конфискованы даже сельскохозяйственные орудия. Конфискована, а частью разграблена не только лишняя, но даже самая необходимая одежда». Журналистка Ю. Ашанина по рассказам старожилов сообщает, что в конце декабря 1919 г., за те несколько дней, что красные простояли в Чарышской, «было убито 25 человек, в основном старики и бабы»[28].

Один из барнаульских руководителей, А.П. Елькин, 29 января 1920 г. докладывал коллегам следующее: «Есть 4 казачьи станицы, остались в них дети, старики, женщины. В Усть-Чарышской пристани возвращающихся казаков — убивают. Семьи в этих 4 станицах вселены в 3–4 дома, остальные дома заколочены. Казаки страшно забиты, молодые казаки разбежались по крестьянским селениям. Группа ответственных работников объехала эти станицы, но организовать [комячейки?] не решилась... Послана Комиссия в Усть-Чарышскую пристань для установления предступности [так! — А. Т.] партизанских частей, так как из станиц свезено туда всё имущество казаков на 5.000 подводах. На казачий съезд едет один представитель от каждой станицы»[29]. Казаки, жалуясь в ревкомы, в феврале 1920 г. сообщали, что в казачьих посёлках партизанами совершена «масса изнасилований», а «всякие личные счёты возмещались жестокими расправами». Из-за повальных грабежей там также «резко ощущается недостаток питания»[30].

Газета «Алтайский коммунист» 28 февраля 1920 г. достаточно откровенно сообщала (скрывая однако почти полное исчезновение жителей в ст. Антоньевской) о ситуации на линии: «Казачьи сёла опустели ещё в ноябре 1919 г. За вооружёнными казаками в горы Алтая бежало почти всё работоспособное население... Так, в станице Антоньевской, некогда славившейся богатством хлеба и скота, осталось до 700 душ обоего пола, причём скота насчитывается по одной лошади и одной корове на пять душ. Остальное частью реквизировано партизанами, частью увезено казаками в горы, но главным образом расхищено крестьянами соседних посёлков: Михайловского, Ключей и др. До сих пор за десятки вёрст к казачьим посёлкам тянутся крестьянские подводы. Забирается домашняя утварь в пустующих домах, изгородь около домов, необмолоченный хлеб, выламываются полы, рамы, косяки и т. д.».

Грабились не только станицы и посёлки, но и любое казачье имущество. В начале марта 1920 г. власти Алтайской губернии констатировали, что на «казачьей линии творятся ещё безобразные грабежи, жители окружных деревень увозят самовольно пасеки и постройки (заимки)... казаки которые сражались в Красной Армии и те преследуются». При этом с осени 1919 г. разграблению на территории губернии подвергалось имущество всех богатых крестьян, ушедших с белыми, особенно «масса сельскохозяйственных машин»^[31].

По соседству с Алтаем, на территории современного Казахстана, партизанами творились аналогичные зверства. В воспоминаниях крупного политработника 5-й армии В. Эльцина о конфликтах сибирских казаков и крестьян говорится предельно резко: «Крестьянство этой области [Семипалатинской — А.Т.], в своё время угнетаемое казачеством, решило отомстить оставшемуся [после мобилизации белыми] казачьему населению и, подогреваемые партизанами, целиком сжигали станицы и убивали стариков и детей, которые были теперь единственным населением станиц»^[32].

В декабре 1919 г. отряды 4-го корпуса Западно-Сибирской крестьянской армии Е.М. Мамонтова под командованием анархиста М.В. Козыря, заняв Усть-Каменогорск, Семипалатинск, станицы Озёрскую, Талицкую, Старо-Семипалатинскую и др., чинили в городах и окрестностях массовые самосуды, а также мародёрствовали. В Усть-Каменогорске были сразу зарублены городской голова, протоиерей и владелец типографии. В. Эльцин писал: «Когда партизанская армия заняла Семипалатинск и Усть-Каменогорск, то казачьи станицы... подверглись большому грабежу со стороны местных крестьян и партизанских отрядов. Грабёж принял такой размах и такую форму (бросали казаков под лёд и т. д.), что советская власть... вынуждена была первым делом принять меры к прекращению этой резни и урегулированию взаимоотношений между казаками, крестьянами и партизанами в этом районе»^[33]. Командование 5-й армии выпустило воззвание «К рабочим, крестьянам, трудовым казакам и инородческому

населению Сибири», где говорилось, что «нашлись тёмные элементы среди некоторых партизанских частей и стали производить грабёж и насилие в казацких станицах Усть-Каменогорского уезда. Пусть знают казаки, что всё это делается против воли советской власти»[34].

Однако кровавая козыревщина продолжалась много недель подряд. Захватив 22 января 1920 г. один из центров Алтайской губернии — пос. Змеиногорский, Козырь вместе со своей свитой развернули в нём, по оценке советского историка, «разнузданный террор». Сообщение Змеиногорского уездного ревкома в аппарат Сибревкома гласило, что с первых дней после ухода белых в уезде «бушевали грабежи, насилия и кровь лилась рекой»[35]. В информационной сводке по Алтайской губернии на 1 февраля 1920 г. сообщалось, что «Змеиногорский уездный ревком застал в городе террор, анархию и беспорядок. После долгих переговоров старый исполком сдал свои дела ревкому. Были приняты строжайшие меры к прекращению бесчинств. Сильно тормозили работу партизаны, не хотевшие подчиняться ревкому, но после длительных разъяснений они успокоились». Обобщающая информация наверх шла ослабленная и приукрашенная, из неё обычно следовало, что большевистская власть уверенно наводит порядок. На деле партизаны не успокаивались очень долго. Председатель Змеиногорского ревкома Лейнер призывал население прекратить «всякие самосуды, грабежи, насилие, провокации и аресты за личные счета», угрожая виновным трибуналом. 20 февраля он повторил этот приказ, но, по словам современного историка, «население реагировало на него слабо»[36].

Согласно докладу Лейнера губернским партийным властям от 20 марта 1920 г., он «увидел ужасный хаос» и «ужасный террор — мщение белогвардейцам». По его словам, партизанский суд М.В. Козыря «без всякой определённой системы присуждал к расстрелам и проч., без предварительных следствий... На третий день из стоящей [там] власти партизан кое-как власть была сконцентрирована и передана нам — Ревкому. В тюрьмах камеры были переполнены... было много и невинных. При разборе [дел] и разгрузке тюрьмы... на нас были нарекания со стороны партизан. По поводу учёта и отображения захваченной мебели и проч. вещей партизанами было большое неудовольство против коммунистических порядков»[37].

Сильно пострадало и енисейское казачество (до 14 тыс. чел., из которых не менее 2 тыс. воевало на стороне белых[38]), активно участвовавшее в вооружённой борьбе с большевиками и партизанами на протяжении всей Гражданской войны. Уже в ходе Минусинского восстания в ноябре 1918 г. ярко проявились антиказачьи настроения. Это восстание было вызвано в первую очередь кампанией по уничтожению нелегальных самогонных заводов, иные из которых выпускали до 70 вёдер спирта в день, а также розыском дезертиров и взиманием недоимок. Ряд сёл стихийно восстали, перебив часть администрации, казачьих воинских команд и представителей зажиточного населения. Так, в с. Дубенском Тигрицкой волости 9 ноября

было убито 10 казаков и милиционеров, а в большом с. Каратузе повстанцы убили 19 казаков с офицером, вырезали купеческую семью, расстреляли священника и его жену[39].

В феврале 1919 г. партизанская шайка П.Е. Щетинкина сожгла станицу Игинка Ачинского уезда, перебив многих казаков[40]. Создавший осенью 1919 г. в Минусинском уезде свой партизанский отряд П.Л. Лыткин в неопубликованных мемуарах охотно рассказывал об убийствах: в с. Восточенское — священнослужителя и четверых казаков, в станице Алтайской — семи казаков. Жители уезда отзывались о Лыткине как о террористе-хулигане, стрелявшем в крестьян ради озорства, и грабителе, привёзшем домой после своей партизанской эпопеи несколько возов чужого добра. Уже при советской власти Лыткин «прославился» как один из активнейших деятелей красного бандитизма[41].

Пробравшийся в Соединённые Штаты через Монголию и Китай известный журналист Ф. Оссендовский весной 1920 г. отметил: «Каратуз — столица южно-енисейского казачества. Впрочем, теперь селение не узнать. Пришлые крестьяне и красногвардейцы перерезали всех казаков, разграбили и сожгли их дома, превратив село в большевистский центр всей Минусинской округи». Он же вспоминал о ледоходе на Енисее: «По реке плыли трупы расстрелянных контрреволюционеров — офицеров, солдат, казаков из армии адмирала Колчака □ сотни обезглавленных тел, у некоторых были отрублены и руки, у других — проломлены черепа, обезображены лица, сожжена кожа...»[42].

Откровенный садизм постоянно проявляли и алтайские, и енисейские, и забайкальские, и амурские партизаны, жестоко пытавшие и убивавшие пленных. Рядовой партизан дивизии Ивана Третьяка Я.А. Пасынков, вспоминая о партизанских буднях, выразился более чем определённо: «Пленных дивизия редко брала, большинству головы отрубали на «рукомойке»»[43]. Из этого мемуара следует, что у партизан либо имелись штатные палачи, либо, что вероятнее, сами расправы носили характер соревнования: кто ловчее смахнёт шашкой голову жертве и т. п.

Сводка штаба отдельной Восточно-Сибирской армии за 3–4 апреля 1919 г. сообщала, что в горах Забайкалья близ Курунзулая было найдено 20 трупов казаков 3-го полка, в том числе четырёх офицеров — все «без носов, ушей и пальцев». Белая пресса, сообщая об этом эпизоде, указывала, что отказавшихся идти к партизанам рядовых казаков красные, прежде чем убить, обливали кипятком[44]. Изменявшие присяге и переходившие на сторону врага казаки не жалели вчерашних товарищей. Так, в посёлке Грязновском Олочинской станицы, что в 20 верстах от пограничного с Китаем Нерчинского Завода 15 июля 1919 г. две сотни казаков 1-го Забайкальского казачьего полка перешли к красным партизанам и в ходе последовавшей «чистки», помимо 13 офицеров, было расстреляно более четверти состава — 52 казака[45].

Командовавший в 1920 г. Восточно-Забайкальским фронтом и 1-м Забайкальским корпусом казак Я.Н. Каратаев, воевавший с семёновцами, отличался крайней жестокостью и практиковал красный бандитизм, из-за чего многие арестованные вскоре оказывались убитыми «при попытке к бегству»^[46].

В мемуарах бывшего начальника Амурской уездной милиции описывается нападение партизан (вероятно, в конце 1919 г.) на с. Тамбовка под Благовещенском, взявших в плен несколько человек: «Мы искали нашего делопроизводителя и нашли его и трёх казаков недалеко от деревни Тамбовки, в овраге, раздетых донага, изрубленных, истыканных как только можно. Потом им были приданы издевательские позы, и так они были заморожены. А мой делопроизводитель был поставлен на колени и держал в руках собственное сердце»^[47].

Партизанский комиссар дальневосточных отрядов П.П. Постышев, говоря о повстанческих расправах и умиротворяющей роли партийцев, хладнокровно вспоминал, ухитряясь соединять понятия «нередко» и «иногда», буквально следующее: «Единственно, что нередко срывалось у коммунистов, — это то, что иногда не удавалось удержать разъярённых крестьян-партизан, которые, видя издевательства белых над их деревнями и сёлами, в целях мести иногда, нам казалось, переходили пределы. <...> Уссурийские казаки, пожалуй, в значительной своей части бывшие опорой Калмыкова, увидевши его гибель [в 1920 г.], начали присоединяться к нам. Чтобы доказать свою преданность и искупить своё прошлое, они так зверски, так жестоко расправлялись с пленными калмыковцами, которые попадались нам, что у наших партизан иногда морозом кожу поддёргивало»^[48].

Историк Гражданской войны в Восточной Сибири П.А. Новиков отметил, что забайкальские казаки в годы Первой мировой войны в процентном отношении потеряли убитыми в три раза меньше, чем русская армия в целом, причём данные по другим казачьим войскам носят схожий характер. По мнению исследователя, в условиях Гражданской войны это обстоятельство не могло не повлиять на поведение казачьего населения. Надо полагать, что казачество оказалось не готовым терять большое количество людей, поскольку не имело такого опыта в прошлом. Это и могло стать одной из причин поражения казачьих сил в Гражданской войне^[49]. Похоже, что беспощадный террор партизан оказался эффективным и сломил сибирское казачество.

Красная партизанщина нанесла сильнейший как демографический, так и экономический ущерб казакам восточной части России. Число погибших исчислялось многими тысячами. В 1919 г. партизаны уничтожили хозяйства примерно пятой части крестьянской буржуазии Сибири. Во второй половине 1920 г. и за 1921 гг. «в результате разгрома кулацко-белогвардейских мятежей было ликвидировано около половины хозяйств деревенской буржуазии»^[50]. Наиболее пострадавшими оказались зажиточные казачьи семейства. К этому необходимо

добавить, что разорение усадеб очень часто сопровождалось убийствами хозяев, если те не успевали скрыться. А с окончанием партизанских действий в Сибири и на Дальнем Востоке последовал продолжительный период красного бандитизма, когда местные партийные ячейки, милиция, работники волостных и уездных ревкомов, внутренние войска, в значительной степени состоявшие из бывших партизан, где открыто, а где тайно самосудом истребляли тех, кого считали белыми «гадами». В результате зимой 1920–1921 гг. только в одной из волостей Алтайской губернии, по признанию председателя губисполкома, было убито до 400 чел.[51]

Особенно красный бандитизм проявился при подавлении крестьянских мятежей[52]. Так, военком Кокчетавского уезда Акмолинской губернии Ф.В. Воронов в марте 1921 г. писал в ЦК РКП (б), каким образом подавлялось Западносибирское восстание: «Красноармейские части были невероятно разъярены, когда шли подавлять восстание, расстреливали всех, кто попадался под руку при входе в ту или иную казачью деревню. От 9 восставших казачьих станиц около гор. Кокчетавы, можно сказать, не осталось камня на камне»[53]. В целом по Сибири, Казахстану и Дальнему Востоку значительную часть пострадавших от красных бандитов составили казаки. Одновременно их постоянно «чистили» и чекисты, фабрикуя многочисленные дела об антисоветских заговорах и повстанческих организациях. Добивали казачье сословие в 1930-е гг. главные репрессивные кампании этого десятилетия — коллективизация и Большой террор.

[1] См. Колосов Е. Е. *Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы.* — Пг., 1923.

[2] Ганин А. В. *Повстанческий период Гражданской войны в казачьих областях: общее и особенное // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия: доклады Академии военных наук. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 88.*

[3] См. Шулдяков В. А. *Гибель Сибирского казачьего войска.* Т. 1. 1917–1920 гг. — М., 2004.

[4] Аманжолова Д. А. *Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш.* — М., 1994. С. 52–53.

[5] Симонов Д. Г. *Белогвардейские вооружённые формирования на Семиреченском фронте в 1918 году // Материалы Международной научно-практической конференции «Роль архивных документов в исследовании социально-политического и культурного развития страны».* — Семей (Семипалатинск), 2010. С. 95–113.

[6] *Эхо (Владивосток).* 1919. № 92. 27 июня.

[7] Ганин А. В. *Повстанческий период Гражданской войны в казачьих областях* □ С. 87.

[8] Шулдяков В. А. *К вопросу об участии Сибирского казачьего войска в Гражданской войне на стороне Белого движения (1918–1919 гг.)*

// Катанаевские чтения-98: Материалы докладов 2-й Всеросс. научн. конф. — Омск, 1998. С. 248–255.

[9] См. **Познанский В.С.** Очерки вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. — Новосибирск, 1973.

[10] Бежала из отряда Сухова и группка во главе с будущим командиром партизанского корпуса И.В. Грозовым (Мамоновым), который по этому поводу сокрушённо высказался в ранних воспоминаниях, прямо именуя себя дезертиром (в середине 1930-х гг. он вычеркнул эту оценку): «Сейчас, когда я эти строки пишу, то мне очень и очень стыдно». ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21. В мемуарах, появившихся 30 лет спустя, нейтрально сказано: «Я же с группой красногвардейцев в 6 человек, разрушая телеграфную линию, отстал от отряда и больше в него не возвращался». **Грозов И. В.** За власть Советскую. — Барнаул, 1966. С. 18.

[11] **Курьшев И.В., Гривенная Л. А.** Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы гражданской войны (1918–1921). — Ишим, 2010. С. 23.

[12] Сибирская жизнь (Томск). 1918. 21 июля.

[13] Там же. 9 авг.

[14] Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 17 дек. Цит. по: **Булдаков В. П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 2010. С. 867.

[15] **Кладова Н. В.** К вопросу о влиянии гражданской войны на массовое политическое поведение // Актуальные вопросы истории Сибири. — Барнаул, 1998. С. 221.

[16] **Исаев В. В.** Малоизвестные страницы Гражданской войны на Алтае - «Чарышская трагедия» // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвёртые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Сб. науч. тр. Кн. 2. — Барнаул, 2003. С. 309; **Третьяк И. Я.** Партизанское движение в Горном Алтае. — Новосибирск, 1933. С. 30–38.

[17] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1157. Л. 20.

[18] Цит. по **Гришаев В. Ф.** «Агентурную проработку прекратить» // Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965. — Барнаул, 2005. С. 284; **Морозов А.** Мир даждь нам // Алтайская правда. 1993, 27 окт.

[19] В 1918 г. И. Пичугин вместе с сосновскими казаками М. Назаровым и Е. Соколовым «за измену исконным казачьим обычаям и за обольшевничание» были публично выпороты и заключены в Бийскую тюрьму. Боевые годы. — Новосибирск, 1959. С. 265.

[20] **Исаев В. В.** Малоизвестные страницы Гражданской войны на Алтае - «Чарышская трагедия» □ С. 309-312; Чарышский район: страницы летописи. — Барнаул, 2002. С. 58–60.

[21] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-5215 (архивно-следственное дело по обвинению И.Я. Третьяка, А.А. Табанакова и др.). Т. 2. Л. 67–69.

[22] Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае □ С. 53–54.

[23] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2. Характерно, что в 1958 г. автор вычеркнул текст про «мясорубку» и сбережение таким образом боеприпасов из рукописи своих мемуаров, указав, что в целом они не пригодны в качестве источника и читателям следует пользоваться опубликованным в поздние сталинские годы вариантом.

[24] Гришаев В. Ф. «Агентурную проработку прекратить..» // Политические репрессии □ С. 285.

[25] Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и Гражданской войне... С. 123; Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии □ С. 415–418.

[26] Исаев В. В. Вооружённая борьба казаков Бийской линии с партизанами 6-й горностепной дивизии в ноябре-декабре 1919 г. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. — Барнаул, 2005. С. 162–163.

[27] См. Швецов В. Н. Горькая новь. — Омск, 2006.

[28] Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне □ С. 154;
URL:<http://my.mail.ru/community/charysh/34F0D507694847AC.html>

[29] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 об. — 25.

[30] Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне □ С. 154.

[31] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 51 об. — 52, 31 об.

[32] Эльцин В. Пятая Армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. — М.-Л., 1924. С. 275.

[33] Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 3. С. 61.

[34] Там же.

[35] Шишкин В. И. Ликвидация «kozyревщины» (декабрь 1919 — февраль 1920 гг.) // Бахрушинские чтения. Вопросы истории Сибири советского периода. Вып. 1. — Новосибирск, 1973. С. 17, 20; Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007. С. 38.

[36] Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне. — Барнаул, 2004. С. 168, 155.

[37] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.

[38] Тарасов М. Г. Антисоветские воинские формирования енисейских казаков // Вестник Томского государственного университета. 2010 (№ 335). С. 85.

[39] **Мармышев А.В., Елисеенко А. Г.** Гражданская война в Енисейской губернии. — Красноярск, 2008. С. 85–87; **Шекшеев А.П.** Гражданская смута на Енисее: Победители и побеждённые. — Абакан, 2006. С. 433–434.

[40] **Замураев Я. С.** Енисейские партизаны. — Новосибирск, 1970. С. 54–55.

[41] **Шекшеев А. П.** Гражданская смута на Енисее... С. 182–191.

[42] **Оссендовский Ф.** И звери, и люди, и боги. — М., 1994. С. 62–63, 56.

[43] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2; **Тепляков А. Г.** Опричники Сталина. — М., 2009. С. 298. Вероятно, мемуаристом имелось в виду определённое место, где производились казни. В книге В.В. Исаева этот фрагмент со ссылкой на ГААК цитируется без кавычек и с другим падежным окончанием: «большинству отрубали головы на рукомойки». **Исаев В. В.** Казачество Бийской линии в революции и Гражданской войне. — Барнаул, 2004. С. 134. Таким образом, по варианту из текста В.В. Исаева получается, что Пасынков употребил какое-то жаргонное выражение (отрубленная голова величиной и формой действительно могла напоминать обычный рукомойник).

[44] **Константинов А. В., Константинова Н. Н.** Забайкалье: Ступени истории (1917–1922 годы). — Чита, 2009. С. 62; **Баринов А. О.** Забытый писатель, или «Пиарщик» атамана // Забайкальский рабочий. 2002. 30 марта.

[45] **Новиков П. А.** Гражданская война в Восточной Сибири. — М., 2005. С. 172.

[46] **Сибиряков Н. С.** Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. — М., 1990. Вып. 1. С. 208–210, 215, 238, 251–252.

[47] См. **Хейдок А. П.** Страницы моей жизни // Дельфис. 2002. № 2 (30).

[48] **Постышев П. П.** Гражданская война на Востоке Сибири (1917–1922 гг.). — М., 1957. С. 45, 50.

[49] **Новиков П. А.** Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX века. Автореферат дисс... д.и.н. — Улан-Удэ, 2009. С. 36.

[50] **Журов Ю. В.** Гражданская война в сибирской деревне. — Красноярск, 1986. С. 123–124.

[51] **Тепляков А. Г.** «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири... С. 165.

[52] См. **Третьяков Н. Г.** Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. («красный бандитизм») // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: Материалы научно-практических конференций. — Пермь, 1998. С. 17–19.

[53] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 665. Л. 20 об.

Опубл.: Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1.: От Великой войны к Гражданской войне в России. /Под ред. В.И. Голдина. — Архангельск, 2014. С. 69–85.

<http://rusk.ru/st.php?idar=70046>